

БУРЖУАЗНОЕ РАССЛОЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В РОССИИ XVII—XVIII вв. *

Е. И. ИНДОВА, А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, Ю. А. ТИХОНОВ

Проблема социальной эволюции крестьянства в период вызревания капиталистических отношений в недрах феодализма поставлена в трудах основоположников марксизма. К. Маркс и Ф. Энгельс открыли общие закономерности смены феодального строя капиталистическим. Изучив формы феодальной ренты и ее отличия от капиталистической ренты и процесс отделения производителя от средств производства как предысторию капиталистического способа производства¹, они установили, что при становлении новых отношений в период позднего феодализма изменения в деревне, в положении крестьянства играют решающую роль.

Большой творческий вклад в разработку данного вопроса внес В. И. Ленин. Труды В. И. Ленина не только дают методологические и методические основы для изучения процесса разложения крестьянства в эпоху победившего капитализма, но и позволяют наметить основные направления в исследовании формирования предпролетариата и нарождавшейся буржуазии из рядов крестьянства в период позднего феодализма.

В своем труде «Развитие капитализма в России», подводя итоги изучению разложения крестьянства, В. И. Ленин на основе учения К. Маркса о развитии форм докапиталистической ренты предпринял исторический экскурс в эпоху господства феодального строя. «В высшей степени поучительно,— подчеркивал он,— что чисто теоретический анализ процесса образования земледельческого капитализма указывает на разложение мелких производителей как на важный фактор этого процесса». Относительно исторических корней «раскрестьянивания» в буржуазной России В. И. Ленин замечает: «Итак, еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян (здесь имеется в виду переход от отработочной ренты к ренте продуктами.— Авт.), появляются уже зачатки их разложения. Но развиться эти зачатки могут только при следующей форме ренты, при *денежной ренте*...»². Таким образом, говоря о зачатках разложения крестьянства, В. И. Ленин подчеркивал историческую преемственность в социальных изменениях крестьянства. Сам характер крестьянского хозяйства, как частнособственнического, таил в себе возможность появления не только имущественного неравенства, но и зачатков разложения, связанных с эксплуатацией чужого труда. По мере втягивания крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения, такие зачатки усиливаются и постепенно начинают принимать форму процесса.

* В основу статьи положен доклад на пленарном заседании IV Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы в г. Риге в сентябре 1961 г.

В настоящей статье авторы не ставят целью рассмотрение историографии проблемы, которой они посвятили специальную работу.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 727.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 143.

Нам представляется, что при определении этого процесса в начальной его стадии, в период позднего феодализма, не следует пользоваться термином «разложение», применяемым В. И. Лениным для пореформенной деревни, во избежание преувеличения степени зрелости процесса. В советской литературе существуют различные определения развивавшегося неравенства в крестьянской среде (дифференциация, экономическая дифференциация, социальная дифференциация, имущественная дифференциация, капиталистическая дифференциация, капиталистическое расслоение, социальное расслоение, классовое расслоение, хозяйственное неравенство, имущественное неравенство и т. д.).

Как видим, эта терминология отражает различное понимание и сущности проблемы. В одних случаях речь идет о чисто имущественных различиях, в других — о более глубоких социальных изменениях. Разделяя последнюю точку зрения, авторы для более точного определения сущности изучаемых явлений предлагают ограничиться понятием буржуазное расслоение. Припомним, что в своих трудах В. И. Ленин пользовался определениями: 1) разложение (буржуазное, или капиталистическое), 2) зачатки разложения, 3) дифференциация или имущественное (простое) неравенство, как исходный пункт разложения.

В отличие от разложения крестьянства после падения крепостничества под классовым расслоением в буржуазном направлении понимается длительный процесс формирования из рядов крестьянства основных классов будущего капиталистического общества. Такое определение нацеливает внимание исследователя на качественные изменения в положении феодальной деревни, не дает возможности путать с ними явления имущественного неравенства, постоянно сопутствующие процессу.

В советской литературе последних лет сложилось направление, представители которого все введенные в научный оборот факты, позволяющие говорить о явлениях расслоения земледельческого крестьянства XVII—XVIII вв., квалифицируют лишь под углом зрения исключительно «хозяйственного неравенства», не признавая эти факты свидетельством наличия элементов капиталистического развития. Так, упрекая исследователей в якобы ошибочном толковании хозяйственного неравенства в XVII—XVIII вв. как расслоения буржуазного типа, В. К. Яцунский пишет: «Наши историки обнаружили немало фактов хозяйственного неравенства среди крестьянства России в феодальную эпоху. Но до сих пор они не обнаружили хозяйственного равенства в феодальной деревне. Над причиной такой неудачи стоит задуматься тем историкам, которые принимают хозяйственное неравенство среди крестьянства за признак его капиталистического разложения»³. Однако все дело в том, что никто из историков и не стал бы искать «хозяйственного равенства» в крестьянской среде периода феодализма, поскольку его никогда не существовало. Но в известном смысле и до определенного исторического момента мы имеем право говорить о наличии равенства в среде крестьянства времен феодализма. Патриархально-натуральный уклад жизни крестьян в ранний период существования феодальной формации еще не создавал условий для эксплуатации одного крестьянина другим на основе имеющихся хозяйственных различий. Тогда крестьянское хозяйство развивалось почти без связей с рынком. Вот почему В. И. Ленин упоминает о разложении «некогда равных, патриархальных непосредственных производителей на богатеев и бедноту...»⁴.

Говоря о буржуазном расслоении русской деревни XVII—XVIII вв., мы не хотим сказать, что до этого времени в крестьянской среде не происходило никаких социальных процессов. Однако социальная неоднород-

³ В. К. Яцунский. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959 г.», М., 1961, стр. 33; ср. там же, стр. 44.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 217.

ность крестьянства, наличие в его составе различных групп и слоев вплоть до «нового периода русской истории» определялись самой структурой феодального общества, формами и методами феодальной эксплуатации, особенностями отдельных земель и княжеств и не препятствовали воспроизводству феодальных отношений. Разумеется, до XVII в. крестьянство не оставалось однородной массой. Помимо наличия имущественных и правовых различий в крестьянской среде на всем протяжении феодально-крепостнической формации, необходимо отметить, что крестьянство было одним из источников пополнения других сословий и слоев феодального общества (городских ремесленников, купцов, низших категорий светских феодалов, духовенства). В связи со вступлением России в «новый период» ее истории углубляется противоречивость социально-экономического развития страны. Генеральное противоречие социального развития XVII в. наиболее ярко сказывается именно на судьбе крестьянства⁵. С одной стороны, крестьянство постепенно консолидируется в класс-сословие, происходит сокращение социальных градаций феодального типа, стираются различия правового характера между отдельными группами трудящегося сельского населения. Внешним выражением и закреплением этих перемен являются соответствующие статьи крупнейших законодательных актов XVII—XVIII вв., которые утверждали и расширяли крепостное право и слияние помещной и вотчинной форм землевладения, вводили новые налоговые системы (подворную, затем подушную) и т. д. В качестве более или менее сплоченного класса-сословия феодального общества крестьяне показали себя в ходе грандиозных крестьянских войн XVII—XVIII вв.

С другой стороны, в этот период проявляется тенденция к буржуазному расслоению деревни, которое означает постепенное формирование в среде основного трудящегося класса-сословия феодальной формации слоев будущего капиталистического общества. Этот процесс происходил в определенный исторический период — в эпоху генезиса капитализма (XVII—первая половина XIX вв.) и находился в непосредственной зависимости от комплекса изменений в социально-экономическом строе страны. По своей сущности расслоение представляет в зародышевой форме буржуазное, капиталистическое разложение крестьянства, о котором так много писал В. И. Ленин применительно к России второй половины XIX в. Подобно тому, как первоначальное накопление составляет предисторию капиталистического способа производства, буржуазное расслоение является предисторией разложения крестьянства.

Буржуазное расслоение крестьянства, в период позднего феодализма, как процесс рождения будущих классов буржуазного общества, следует отличать от разложения крестьянства, когда капиталистический способ производства становится господствующим и классы капиталистической формации уже налично и в деревне. Для России этот период относится к пореформенному времени. Падение крепостного права открыло полосу интенсивного «раскрестьянивания» деревни. Процесс же буржуазного расслоения еще не означал ликвидации крестьянства как класса, он лишь постепенно готовил «раскрестьянивание». Характерной чертой для этого периода являлось преобладание средней группы крестьянства сравнительно с его крайними группами. Буржуазное расслоение протекало в период образования внутреннего всероссийского рынка, на той стадии, когда система эксплуатации наемного труда еще только складывалась и товарная форма охватывала главным образом продукты труда. Процесс разложения имел место в период формирования рынка для крупного капиталистического производства периода машинной индустрии, определяющей здесь была товарная форма рабочей силы. Наконец, буржуазное расслоение в России совершалось при господстве крепостничества,

⁵ См. Предисловие Н. В. Устюгова к сб. статей «Русское государство в XVII веке», М., 1961, стр. 6.

при монополии дворянского землевладения и, естественно, не могло так ярко проявляться в сельскохозяйственном производстве, как в промышленном. Наоборот, разложение шло полным ходом и в промыслах, и в сельском хозяйстве.

С какого же времени в русской деревне следует усматривать начало процесса буржуазного расслоения? Как уже указывалось, это явление неразрывно связано с генезисом капитализма.

Начальная грань генезиса капитализма в России относится к XVII в.: с этого времени набирающее силы товарное хозяйство медленно стало приобретать буржуазные черты. Буржуазное расслоение крестьянства является важнейшим фактором вызревания капиталистических отношений в недрах феодализма. Процесс расслоения относится к тому периоду, когда мелкое крестьянское хозяйство существует в обстановке развивающихся товарно-денежных отношений, крупное капиталистическое производство не является господствующим, оно лишь проходит мануфактурную стадию. Таким образом, начало процесса буржуазного расслоения совпадает с первыми шагами развития страны по пути к капитализму. Буржуазное расслоение крестьянства нельзя изучать изолированно от общего хода эволюции народного хозяйства. Его развитие определяется не столько социально-экономическими сдвигами в деревне, сколько общим развитием капиталистических отношений в стране⁶.

Принципиальное значение при разработке вопроса о генезисе капитализма в России имеет правильное понимание известной ленинской характеристики «нового периода русской истории», начало которого В. И. Ленин датирует примерно с XVII в., и сущности «буржуазных связей» той эпохи. В последнее время на страницах научной печати и в выступлениях на сессиях симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы не случайно было вновь привлечено внимание именно к этому вопросу. Действительно, какой смысл вкладывал В. И. Ленин в понятия «новый период» и «буржуазные связи»?

Так, Н. Л. Рубинштейн склонен считать, что перечисленные В. И. Лениным в его характеристике «нового периода» русской истории явления («усиливающийся обмен между областями», «постепенно растущее товарное обращение», «концентрирование небольших местных рынков в один всероссийский рынок», и, наконец, создание «буржуазных связей») вряд ли представляют собой единовременный процесс. Н. Л. Рубинштейн справедливо, на наш взгляд, не соглашается с историками, расценивавшими XVII в. как время уже сформировавшегося всероссийского рынка. Представляется очевидным, что XVII в. — это время только начальной стадии процесса. Однако трудно согласиться с Н. Л. Рубинштейном, когда он утверждает, что указанные выше положения ленинской формулировки отражают «фактическую последовательность развития» и таким образом разграничены хронологически. Завершающее же ленинскую характеристику указание на «буржуазные связи» якобы должно быть отнесено к конечной стадии процесса складывания всероссийского рынка, и едва ли «обосновано его механическое распространение на XVII в., что значило бы так или иначе относить XVII век к периоду капитализма»⁷. Нам представляется искусственной такая попытка расчленения отдельных элементов ленинской характеристики во времени. Непонятно, как можно рассматривать «усиливающийся обмен между областями» без анализа товарного обращения и товарного производства, составляющих базу такого обмена? Как же быть с теми, несомненно новы-

⁶ См. К. Маркс. Капитал, т. III, М., 1950, стр. 812.

⁷ Н. Л. Рубинштейн. Территориальное разделение труда и развитие всероссийского рынка. «Из истории рабочего класса и революционного движения. Памяти Анны Михайловны Панкратовой», сб. статей, М., 1958, стр. 88—89; ср. Его же. О разложении крестьянства и так называемом первоначальном накоплении в России. «Вопросы истории», 1961. № 8, стр. 79.

ми, явлениями буржуазного порядка в социально-экономической истории России XVII в., на которые обращают внимание наши исследователи? Нам кажется, что речь может идти только о степени зрелости процесса на каждом историческом этапе. Тем более, что из признания наличия «буржуазных связей» в России XVII в. вовсе не следует вывод, что это время должно быть отнесено к периоду капитализма. Было бы неверно смешивать понятия генезис капитализма и собственно капитализм, который утверждается в России лишь после реформы 1861 г. Следует напомнить, что и более ранние высказывания Н. Л. Рубинштейна по данному вопросу встретили обоснованные возражения в литературе⁸.

Акад. С. Д. Сказкин, рассматривая тему генезиса капитализма в сельском хозяйстве Западной Европы, по поводу вышеуказанной ленинской характеристики писал: «Можно ли думать, что слова „буржуазные связи“ употреблены им в смысле „капиталистические связи“? Ни в коем случае». По мнению С. Д. Сказкина, «ни о каком капитализме в данном высказывании В. И. Ленина нет и речи». С. Д. Сказкин склонен считать, что дело идет «о совокупности всех антифеодальных сил, возникших в феодальном обществе со времени появления городов, в первую очередь о ремесленниках и торговцах»⁹. Тем самым делается упор на различие оттенков «буржуазных» и «капиталистических» связей.

Одновременно С. Д. Сказкин полагает, что В. И. Ленин, употребляя выражение «новый период», не вкладывал в него «какой-то особый смысл», связанный с указанием на «начало капиталистического периода в истории России». Речь может идти о заимствовании В. И. Лениным термина «новый период» из тогдашней историографии. При этом делается ссылка на С. М. Соловьева, который, по словам С. Д. Сказкина, «начало нового периода относит к XVII в.». С этими высказываниями С. Д. Сказкина выразил согласие и В. К. Яцунский¹⁰.

Однако, по нашему убеждению, предложенное С. Д. Сказкиным толкование ленинского текста не может быть принято. В. И. Ленин в своих трудах многократно связывал проблему внутреннего рынка со степенью зрелости товарного хозяйства, в своем развитии превращающегося в капиталистическое. «Степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране», — указывал В. И. Ленин¹¹. Советские историки в своих трудах исходили из ленинского понимания проблемы рынка прежде всего как проблемы производства¹².

К истории России XVII в. В. И. Ленин обращался и в другой связи. Так, определяя сущность эволюции государственного строя России, В. И. Ленин писал: «Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении». И это направление В. И. Ленин считал «направлением к буржуазной монархии»¹³. Вполне очевидно, что если В. И. Ленин полагал возможным делать заключения об изменениях в государственной надстройке России, восходящих к XVII в., то тем более он подразумевал наличие с этого же времени новых явлений в базисе феодально-крепостнической России. В. И. Ленин в работе «К характеристике экономического романтизма», критикуя Сисмонди, писал: «Что же связывает вместе этих крестьян разных местностей? Именно

⁸ А. Л. Шапиро. К истории крестьянских промыслов и крестьянской мануфактуры в России XVIII в. «Исторические записки», т. 31, 1950, стр. 142—143.

⁹ С. Д. Сказкин. К вопросу о генезисе капитализма в сельском хозяйстве Западной Европы. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1959», М., 1961, стр. 28—29.

¹⁰ См. В. К. Яцунский. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России, стр. 33.

¹¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 47.

¹² См. М. Нечкина, Ю. Поляков, Л. Черепнин. Некоторые вопросы истории советской исторической науки. «Коммунист», 1961, № 9, стр. 65.

¹³ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 47.

разделение общественного труда и товарное хозяйство, заменившее связи феодальные»¹⁴. Отсюда видно, что выражение «буржуазные связи» употреблено Лениным отнюдь не случайно, а в смысле противопоставления «связям феодальным». Следовательно, мы не можем не относить понятие «буржуазные связи» к новой фазе в развитии общества. На это же с достаточной определенностью указывает употребление В. И. Лениным понятия «капиталисты-купцы» применительно к России «примерно с 17 века» и целый ряд его исторических экскурсов в XVII столетие, когда речь идет о «кустарных» промыслах¹⁵.

Анализ ленинской терминологии также показывает, что в своих высказываниях В. И. Ленин пользовался понятиями «буржуазный» и «капиталистический» как равнозначными. Он писал о «буржуазной, капиталистической организации» крестьянского хозяйства, подчеркивая тем самым идентичность обоих этих определений. В. И. Ленин употреблял в одинаковом смысле понятия «буржуазное разложение» и «капиталистическое разложение» на почве развития «товарного хозяйства»¹⁶.

Нельзя также принять высказывание С. Д. Сказкина, будто выражение «новый период», встречающиеся у В. И. Ленина, следует считать не более, как воспроизведением определения, существовавшего в тогдашней исторической литературе. Ссылка на «Историю России с древнейших времен» С. М. Соловьева не дает для этого оснований хотя бы потому, что С. М. Соловьев такой терминологией не пользовался. Историю России он делит на два крупных периода — «историю древней России» и «новую историю». Гранью между ними Соловьев считает правление преемников царя Алексея Михайловича. Критерием для подобной периодизации историку служило приобщение России к европейской культуре. Относительно уровня хозяйственного развития России изучаемого времени С. М. Соловьев писал: «Московское государство XVI и XVII века в экономическом отношении находилось в таком же состоянии, в каком западноевропейские государства находились в начале средних веков...». Крайне преувеличивая технико-экономическую отсталость России от передовых стран, С. М. Соловьев считал, что «Московское государство было государство сельское в противоположность западным поморским государствам, государствам городским по преимуществу; в нем город был большое огороженное село, и земледелие принадлежало к числу занятий городских жителей; промышленность мануфактурная была на низкой ступени развития, торговля очень слаба»¹⁷.

Вполне очевидно, что В. И. Ленин в понятие «новый период русской истории» вложил свое, принципиально отличное от всей предыдущей русской историографии, содержание, являющееся неотъемлемой частью ленинской исторической концепции. В основе его периодизации лежит социально-экономический признак.

Оценка сущности «нового периода русской истории» в трудах советских историков последнего времени («Очерки истории СССР. Период феодализма», «Всемирная история» и др.) не согласуется с высказываниями акад. С. Д. Сказкина. Так, акад. Н. М. Дружинин приходит к выводу, что «советские историки собрали большой конкретный материал, подтверждающий наблюдения Ленина о начале капиталистического развития России в XVII в.»¹⁸. На специальной сессии, организованной в

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 189, примеч.

¹⁵ Там же, т. 3, стр. 352, 363, 371 и др.

¹⁶ Там же, т. 1, стр. 215.

¹⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VI (тт. 11—12), М., 1961, стр. 605, 201.

¹⁸ Н. М. Дружинин. Генезис капитализма в России. «Десятый международный конгресс историков в Риме, сентябрь 1955 г. Доклады советской делегации», М., 1956, стр. 190—191; Его же. Социально-экономические условия образования русской буржуазной нации. «Вопросы формирования русской народности и нации», М., 1958, стр. 193.

феврале 1959 г. историческим факультетом Ленинградского государственного университета, в докладах Б. Б. Кафенгауза и В. В. Мавроди-на¹⁹ было также подчеркнуто именно такое понимание сущности «нового периода». Не отрицает наличия ростков капитализма в русской промышленности XVII в. и В. К. Яцунский²⁰. Под знаком освоения замечательной ленинской характеристики одного из ключевых периодов в истории России развивалась вся специальная советская литература последних десятилетий²¹. Таким образом, мы полагаем, что нет оснований отказываться от уже достигнутого большинством наших исследователей понимания существа ленинского наследства в области изучения первичных стадий капиталистической эволюции России, начиная с XVII в.

Каковы наиболее характерные признаки начального этапа генезиса капиталистических отношений в России, падающего на XVII столетие? Перечислим их кратко. Резкое возрастание мелкого товарного производства на посаде и в деревне, в промышленности и в сельском хозяйстве, явное преобладание работы на рынок над работой на заказ в посадских промыслах, падение феодальных категорий ремесла; укрупнение на базе развития мелкотоварного производства ремесленных мастерских, применение в них наемного труда, возникновение крупной промышленности в форме мануфактуры; эксплуатация чужого труда в крупных крестьянских хозяйствах, связанных с рынком; начало складывания рынка рабочей силы для промышленности и транспорта; переливание средств, накопленных в торговле, в промышленное производство. В области торговли бросается в глаза увеличение скупщических операций на посаде и в деревне. Благодаря росту товарного обращения в европейской части страны, торговому обмену с Сибирью и установлению тесных связей с европейским рынком сложились многие над купеческие фамилии, занявшие командное положение в межобластной торговле. Процесс складывания всероссийского рынка как бы аккумулирует все новые явления в народном хозяйстве. Приведенный в известность фактический материал, относящийся к XVII в., свидетельствует, что толща господствующих феодально-крепостнических отношений пробивается ростками новых, капиталистических, которые усиливаются в XVIII столетии. Никто не пытается утверждать, что XVII—XVIII вв.—эра капитализма. Это время рождения капиталистического строя.

В процессе конкретно-исторического исследования пореформенной экономики России В. И. Ленин установил неразрывную связь крупного производства с мелкобуржуазным крестьянским земледельческим и промысловым хозяйством, как связь между высшей и низшей стадиями развития капиталистической формации²². В. И. Ленин писал: «„Фабрика“ является... только завершением развития товарной организации всего общественного, следовательно, и крестьянского хозяйства. Крупнобуржуазное производство на «фабрике» — прямое и непосредственное продолжение мелкобуржуазного производства в деревне... «фабричная форма» — это не более, как *развитое* товарное производство, а развилось оно из того *неразвитого* товарного производства, которое мы имеем в крестьянском и кустарном хозяйстве»²³. Главный удар по народническим воззрениям В. И. Ленин наносил именно установлением ряда стадий в развитии капиталистических отношений. Особое внимание он

¹⁹ Б. Б. Кафенгауз. Некоторые вопросы генезиса капитализма в России: «Вопросы генезиса капитализма в России», сб. статей, Л., 1960, стр. 6; В. В. Мавродин. Некоторые вопросы эволюции русского самодержавия в XVII—XVIII вв. Там же, стр. 76—78.

²⁰ См. В. К. Яцунский. Основные этапы генезиса капитализма в России. «История СССР», 1958, № 5, стр. 68, 90.

²¹ См. А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка (XVII в.). «Вопросы истории», 1961, № 4, стр. 80—109.

²² См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 423—424, см. также стр. 107.

²³ Там же, стр. 465.

уделял начальному этапу, характеризующемуся развитием мелкотоварного производства. Опровергая положение народников о развитии мелкого производства после реформы по некапиталистическому пути, В. И. Ленин указывал: «Распространение мелких заведений в крестьянстве расширяет товарное хозяйство, подготавливает почву для капитализма (создавая мелких хозяйчиков и наемных рабочих), а поглощение мелких заведений мануфактурой и фабрикой есть утилизация крупным капиталом этой подготовленной почвы». И далее: «Совмещение в одной стране в одно время двух этих, повидимому, противоречивых, процессов на самом деле не заключает в себе никакого противоречия...»²⁴.

Логически и исторически мелкое товарное производство предшествовало крупному. Следовательно, характеристика мелкотоварного производства, данная В. И. Лениным с позиций марксистской диалектики для периода сосуществования с крупным, вполне приложима ко времени, когда решительное преобладание мелкого производства несомненно. Таким образом, правомерно ленинскую характеристику «первичных», «средневековых», «низших» форм капитала, доживших до второй половины XIX в., применять для периода зарождения и становления капиталистических отношений в России XVII—XVIII вв.

При изучении проблемы буржуазного расслоения крестьянства нельзя отвлекаться от учета порайонных особенностей и специфики положения отдельных категорий крестьянства в период позднего феодализма. Повидимому, среди чернососных крестьян XVII в., государственных и экономических крестьян XVIII в. расслоение выступало более отчетливо.

Состояние изучения истории крестьянства XVII в. таково, что мы пока лучше знаем чернососную и дворцовую деревню, чем частновладельческую, а Поморье, Урал и Сибирь лучше, чем Центр государства. Для XVIII в. сложилось несколько иное соотношение. При несомненных сдвигах в изучении дворцовых и частновладельческих крестьян, в том числе центральных и поволжских уездов, слабее исследованы государственная и монастырская деревня, а в территориальном отношении менее посчастливилось именно поморской, уральской и сибирской деревне. По этой причине не всегда удается провести сопоставление сразу за два столетия по одному и тому же району, чтобы проследить динамику процесса. Но в тех случаях, когда это возможно, выводы исследователей свидетельствуют именно о процессе буржуазного расслоения крестьянства. Ярким примером тому служит монография В. Н. Шерстобоева, первый том которой, посвященный Илимскому уезду XVII — начала XVIII в., подвергся критике со стороны В. К. Яцунского за попытку трактовать социальные отношения в илимской деревне начала XVIII в. как развивающиеся в буржуазном направлении²⁵. Однако второй том исследования В. Н. Шерстобоева (изданный за 4 года до появившегося в печати замечания В. К. Яцунского), охватывающий время от второй четверти до конца XVIII в., показывает, что выводы первого тома по данному вопросу находят полное подтверждение, благодаря новому убедительному материалу о расслоении крестьян Илимского края²⁶.

Буржуазное расслоение протекало в условиях формирования внутреннего рынка. «Процесс разложения крестьянства,— указывал В. И. Ленин,— есть в то же время процесс смены натурального хозяйства товарным...»²⁷. Многочисленными исследованиями советских историков установлено, что на протяжении XVII—XVIII вв. крестьянское хозяйство все более втягивалось в товарно-денежные отношения, постепенно все более ощутимым становилось значение рынка, как регулятора обще-

²⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 354.

²⁵ См. В. К. Яцунский. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России, стр. 32.

²⁶ В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. II, Иркутск, 1957.

²⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 135.

ственного производства. В. И. Ленин при изучении разложения крестьянства исключительное внимание уделял товарному производству и рынку, осуждая народников за недооценку роли мелкотоварного производства в развитии капиталистических отношений. В своих трудах он блестяще доказал, что «товарное хозяйство и именно оно раскалывает „народ” и „крестьянство” на пролетариат (разоряются, переходят в батраки) и буржуазию (живоглоты), т. е. превращается в капиталистическое хозяйство»²⁸. Отсюда следует, что расслоение крестьянства в XVII—XVIII вв. являлось важнейшим показателем складывания всероссийского рынка, когда на основе товарно-денежных отношений возникают буржуазные формы производства.

На начальной стадии процесса крестьянское хозяйство, вступившее на путь товаризации, сохраняло во многом потребительский характер. Это усугублялось особенностью товарного производства в земледелии, которое заключается в том, что на рынок поступал в основном один ведущий продукт данной местности, другие отрасли крестьянского хозяйства могли оставаться патриархальными²⁹.

В. К. Яцунский в указанной выше работе полагает, что в XVII в., в силу слабого спроса на сельскохозяйственные продукты как внутри страны, так и за рубежом, товарность сельского хозяйства России была не велика; в последующее время она постоянно возрастала, но лишь после 1861 г. товарное производство резко шагнуло вперед. Таким образом, подразумевается положение, что складывание рынка сельскохозяйственных продуктов в ограниченных размерах не могло служить основой для зарождения буржуазных отношений. Разумеется, размеры рыночного спроса буржуазной и феодальной страны не сравнимы. Однако В. К. Яцунский явно принижает объем рыночной продукции сельского хозяйства в XVII—XVIII вв. Только на европейский рынок вывозились десятки тысяч пудов льна и пеньки, сотни тысяч аршин холста и крашенины, большое количество щетины, кож, мяса и сала говяжьего. Известно, что введение казенной монополии на вывоз за границу хлеба было связано с большим спросом на зерно в самой России³⁰. Зерно ввозилось не только в районы Поморья и Сибири (как указывает В. К. Яцунский), но и Нижнего Поволжья и Дона. Специализация зерновых, животноводческих, льноводческих районов берет начало с XVII в., а в XVIII в. становится весьма заметной, о чем свидетельствует, например, приводимый самим же В. К. Яцуном факт превращения Черноземного центра и Среднего Поволжья в житницу страны.

Степень расслоения во многом зависела и от форм феодальной эксплуатации (ренты). «Денежные оброки и подати были в свое время важным фактором развития обмена»,—указывал В. И. Ленин³¹. В специальной литературе показано, что наиболее рельефно проявляются черты наметившегося буржуазного расслоения в тех районах и феодальных вотчинах, где получила распространение денежная форма ренты. Сравнительно далеко зашедшее расслоение поморской деревни находится в прямой связи с господствующей здесь денежной формой государственных налогов. Сходное положение наблюдается в дворцовой деревне. Эксплуатация крестьян в крупных владениях Б. И. Морозова, Черкасских, позднее Шереметевых осуществлялась главным образом в форме денежного оброка; не случайно в этих вотчинах выросли такие торгово-промышленные поселения, как Павлово, Иваново, Лысково, Богородское, Мурашкино, оставившие далеко позади многие города страны.

²⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 212.

²⁹ Там же, т. 6, стр. 307, ср. т. 22, стр. 53.

³⁰ ГИМ, ОПИ, собр. Щукина 1083, № 292, лл. 41—46; С. М. Троицкий. Архангельский хлебный рынок в 1 четверти XVIII в. «Тр. Моск. госуд. ист.-арх. ин-та», т. IX, М., 1957, стр. 191—193.

³¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 126

Во второй половине XVIII в. особенно заметен рост денежного оброка в Центральном промышленном районе. Увеличение оброка обычно было связано с усилением торгово-промышленной деятельности и отходничеством крестьян³². В анкетах 1760-х годов отмечалось, что убыль земледельцев произошла после перевода их на денежный оброк: «А из них многие, не имея принуждения, бросили пашни, пошли в промыслы, вымышляя как бы легче пропитаться и помещикам заплатить оброк»³³.

При рассмотрении буржуазного расслоения крестьянства невозможно ограничиваться только сферой сельского хозяйства. Крестьянство, как указывалось, было важнейшим источником для формирования классов будущей капиталистической формации и в городе и в деревне.

В период генезиса капитализма общая закономерность отставания земледелия от торговли и промышленности проявлялась наиболее резко, поэтому зарождение новых отношений отчетливее прослеживается в торгово-промышленной деревне. Как при изучении расслоения крестьянства в буржуазной России, так и при изучении расслоения в XVII—XVIII вв. нельзя земледельческие занятия населения отделять непроходимой стеной от торгово-промышленной деятельности. В. И. Ленин установил, что на сохранившейся еще в пореформенное время «низшей стадии капитализма промышленник обыкновенно еще почти не дифференцировался от крестьянина»³⁴. Бесспорно, что в крепостной деревне обращение крестьян к торгово-промышленным занятиям имело громадное значение для процесса классового расслоения. Эта сфера крестьянской жизни, хотя и не была свободна от вмешательства помещика и вотчинной администрации, но все же в меньшей степени, чем сельскохозяйственное производство крестьянского двора, подвергалась контролю крепостника. Попытки выделения чисто земледельческого крестьянства в условиях докапиталистической деревни не имеют научного основания, ибо «свойственное капиталистическому обществу отделение промышленности от земледелия проявляется на данной стадии еще в самом зачаточном виде»³⁵.

Возникновение и развитие капиталистических форм хозяйства несравненно заметнее шло в городе и в промышленности, нежели в деревне и в сельском хозяйстве. Но было бы неверно полагать, что в сельском хозяйстве зарождение буржуазных отношений происходило намного позднее, чем в промышленности. Имеющийся фактический материал свидетельствует, что в земледелии и животноводстве России XVII—начала XVIII в. наблюдаются новые явления, характерные не для феодального строя, а для начального этапа капиталистического развития, прежде всего эксплуатация наемного труда в земледельческом крестьянском хозяйстве. Труд наймитов в земледелии широко практиковался в поморской³⁶ и сибирской деревне³⁷, но это явление прослеживается и в Замосковном крае, на южной окраине и в Поволжье³⁸. Контингент лиц,

³² Л. В. Милов. Об изучении роста оброка в России во второй половине XVIII в. «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1961, № 1, стр. 105, 114.

³³ И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в., М., 1950, стр. 59.

³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 327.

³⁵ Там же, стр. 328.

³⁶ См. Н. В. Устюгов. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. «История СССР», 1961, № 6, стр. 60—79.

³⁷ См. В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. 1, Иркутск, 1949, стр. 279—296; Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илим в XVII в., Якутск, 1956, стр. 125—128; В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век), М., 1956, стр. 143, 173; С. В. Бахрушин. Научные труды, IV, М., 1959, стр. 83.

³⁸ См., напр., А. Введенский. Заметки по истории труда на Руси 16—17 вв. «Архив истории труда в России», кн. 6—7, Пг., 1923, стр. 15; А. П. Пьянков. Хозяйство уральской деревни в эпоху торгового капитала, Пермь, 1926, стр. 23; С. Г. Томсинский. Очерки истории феодально-крепостной России, ч. 1, М.—Л., 1934, стр. 73; Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII в., изд. 2, М., 1937, стр. 347, 350; З. А. Огризко. Наемный труд в крестьянском хозяйстве XVII в. «Вопросы истории», 1953,

работавших «переходя» по деревням, был весьма значительным; «для обозначения этой работы существовал распространенный термин «батрак»³⁹. Иногда наймиты, работавшие у крестьян, фиксировались в переписных книгах, что свидетельствует об известной устойчивости их занятий⁴⁰.

В XVII—XVIII вв., в период продолжавшегося господства крупной феодальной собственности на землю, при крепостном режиме, судить о степени развития капиталистических отношений в крестьянском хозяйстве можно лишь с учетом того, что выделявшиеся из крестьянской среды представители новых буржуазных слоев зачастую не задерживались в деревне, а переходили в город. В. И. Ленин, давая отповедь народникам, подчеркивал ошибочность утверждения о слабости деревенской буржуазии. В действительности, писал он, это явление кажущееся, оно объясняется «отливом сильных ее элементов, ее вершин, в города, ... в деревнях это только — „солдаты“, а в городах уже сидит „генеральный штаб“»⁴¹. В дореформенный период стесненная условиями жизни крепостной деревни нарождавшаяся буржуазия всемерно старалась вырваться из сковывающих ее пут, перейти на посадки. В равной степени и обедневшие слои деревни находили в городах несравненно большее применение своему труду. Во всем этом проявляется один «из характернейших признаков капиталистического развития»: отвлечение «населения от земледелия к промышленности, от деревень к городам»⁴².

Усиление феодальной эксплуатации, наступление помещиков на крестьянское хозяйство приводило нередко к пауперизации крестьян, что являлось известным предвестником кризиса феодализма. Буржуазные отношения в процессе своего становления не только сами вели к разорению крестьянства, но и использовали нищету, создаваемую феодальной системой⁴³. Пауперизация части крестьян наблюдается на протяжении всей феодальной формации. Возникает вопрос, как изменяется сущность этого процесса в разные исторические периоды? До XVII столетия наряду с такими факторами, как внешние и внутренние войны, стихийные бедствия, основной причиной разорения являлась эксплуатация со стороны феодалов и феодального государства. С XVII в. на социально-экономическом положении феодально-зависимого населения деревни все усиленнее начинает сказываться развитие товарно-денежных отношений, при которых маломощные крестьянские хозяйства по сравнению с зажиточными оказываются в невыгодном положении. В это же время резко возросло налоговое бремя и феодальная эксплуатация. Следствием наступления помещиков на крестьянское хозяйство было прогрессирувавшее малоземелье в деревне, особенно в районах распространения барщинной системы эксплуатации. Малоземелье в русской деревне, видимо, можно считать ее специфической чертой. Так, даже в обширных владениях князей Черкасских, которые основной доход в XVII в. с крестьян получали в форме денежного оброка, в сред-

№ 10, стр. 86—89; Т. И. Смирнова. Побег крестьян накануне выступления С. Разина. «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 131; К. Н. Щепетов. Торгово-промышленная деятельность и расслоение крестьянства в вотчинах Черкасских в XVII в. «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)», сб. статей, М., 1958, стр. 67—68; А. Л. Шапиро. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время. «УЗ Ленингр. пед. ин-та», историч. ф-т, т. V, вып. 1, Л., 1940, стр. 34—35; Е. Г. же. Об имущественном неравенстве и социальном расслоении русского крестьянства в эпоху феодализма. «Вопросы генезиса капитализма в России», сб. статей, Л., 1960, стр. 45; А. А. Новосельский. Дворцовые крестьяне Ксмарницкой волости во второй половине XVII в. «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России», сб. статей к 75-летию акад. Н. М. Дружинина, М., 1961, стр. 73; А. П. Пронштейн. Земля Донская в XVIII веке, 1961, стр. 184—194.

³⁹ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век», М., 1955, стр. 183.

⁴⁰ ЦГАДА, Писц. и переп. книги по Осинскому уезду, № 6445, лл. 905—1143.

⁴¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 352.

⁴² Там же, т. 2, стр. 454.

⁴³ См. Там же, т. 1, стр. 434.

чем на один крестьянский двор приходилось менее 3 четвертей пахотной земли в одном поле⁴⁴. К середине XVIII в. наделы пахотной земли у крестьян гр. М. Г. Головкина даже в земледельческих уездах Московской губернии не превышали 1—3 десятин на д. м. п. в трех полях⁴⁵. Пауперизированными слоями в XVII в. являлись прежде всего бобыли, затем половники, подворники, нищие. На грани разорения стояли и многие крестьяне. Введение подворного обложения в 1679 г., а затем установление подушной подати в 20-х годах XVIII в. привели к исчезновению категорий, определявшихся размером тягла, но процесс разорения значительной массы крестьян неуклонно продолжался.

До XVII в. разорившиеся крестьяне почти без исключения вновь поглощались феодальным хозяйством. Разумеется, и в XVII—XVIII вв. значительная часть пауперов в конечном счете опять попадала в орбиту феодально-крепостнических отношений и исчезала с рынка рабочей силы. Однако в XVII—XVIII вв. для разорявшихся слоев деревенского населения открываются новые возможности существования⁴⁶. На протяжении XVII—XVIII вв. неуклонно возрастал отход разорявшихся крестьян на заработки в промышленность и на транспорт, на строительные работы и частично в сельскохозяйственное производство. Отход на заработки в земледелие имел место главным образом в пределах того же района. Наблюдались и случаи ухода в отдаленные местности. Так, «затягольные» крестьяне-отходники из вологодских, ярославских, костромских, владимирских дворцовых сел в первой половине XVIII в. довольно часто работали по найму в Воронежской, Нижегородской и других губерниях⁴⁷. Известную роль играла разорявшаяся деревенская голытьба в формировании кадров металлургических, текстильных и других мануфактур в XVIII в.⁴⁸ Некоторые крестьяне, еще не потерявшие возможности вести самостоятельное хозяйство, составляли кадры растущей рассеянной мануфактуры.

Основную причину отвлечения сельского населения к другим занятиям следует искать в углублении общественного разделения труда. Крестьянство являлось основным контингентом формирующегося рынка рабочей силы. Именно с XVII столетия начинается отход крестьян на заработки⁴⁹. Значение этого процесса трудно переоценить. Как отмечал Н. М. Дружинин, уже в XVII в. началось формирование русского предпролетариата из крестьян-отходников⁵⁰. Крестьянский отход приводил к резкому увеличению кадров предпролетариата; он выражал собой прогрессирующее буржуазное расслоение крестьянства⁵¹.

В XVII в., по имеющимся сведениям, основную массу отходников давала черносошная и дворцовая деревня. Поморские крестьяне, обслуживали Сухоно-Двинский речной путь, а также транспорт на Вычегде, Каме и Чусовой. Они же давали значительную часть работников

⁴⁴ К. Н. Шепетов. Помещичье предпринимательство в XVII в. «Русское государство в XVII веке», сб. статей, М., 1961, стр. 24.

⁴⁵ П. К. Алефиренко. Крупное вотчинное хозяйство графа М. Г. Головкина в России первой половины XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959 г.», М., 1961, стр. 143. См. также Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в., М., 1957, стр. 203—241.

⁴⁶ А. Л. Шапиро. Бобыльство в России в XVI—XVII вв. «История СССР», 1960, № 3, стр. 63—64 и др.; Е. И. Заозерская. Развитие бобыльства в России XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958 г.», Таллин, 1959, стр. 100.

⁴⁷ ЦГАДА, Госарх., разр. XIV, д. 21, ч. 1, лл. 19—34.

⁴⁸ Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. I, М.—Л., 1949, стр. 355 и др.; Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в., М., 1953, стр. 440—441.

⁴⁹ См. Предисловие Н. В. Устюгова к сб. статей «Русское государство в XVII веке», М., 1961, стр. 7.

⁵⁰ Н. М. Дружинин. Социально-экономические условия образования русской буржуазной нации, стр. 199.

⁵¹ См. А. М. Панкратова. Наймиты на Руси в XVII в. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», сб. статей, М., 1952, стр. 213—215.

для соляных промыслов и первых металлургических заводов Урала и Карелии. На длительное время отрывались также от земледелия крестьяне Устюжского и смежных уездов, уходившие на Волгу; «волские» ярыжные возвращались в Поморье обычно в конце лета, когда на Сухоно-Двинском пути наступал оживленный период навигации⁵². Отмечен приход в Москву на строительные работы дворцовых и помещичьих крестьян начиная с 1660-х годов, после ликвидации записного ремесла и перехода к подрядной организации производства⁵³. Крестьяне костромских и вологодских владений А. И. Безобразова постоянно для заработков расходились в «мир», забрасывая свои «жеребьи»; из вологодских деревень вотчинник брал для своих нужд плотников, кирпичников⁵⁴.

В XVII в. имел место и крестьянский отход в сельское хозяйство. В дворцовом хозяйстве царя Алексея Михайловича наемные работники использовались на пашне, жатве, молотье, сенокосе. Наймиты набирались из черносошных, дворцовых, монастырских и помещичьих крестьян Замосковского края. Их количество в подмосковных селах исчислялось сотнями. Различались летние, зимние и недельные работники⁵⁵.

Уже в XVII в. наряду с временным отходом наблюдается оседание крестьян на посадах в качестве постоянных жителей. Так, из 75 крестьян-закладчиков, пришедших в Нижний Новгород, к 1643 г. 40 человек стали работными людьми⁵⁶. Известную роль здесь сыграла и посадская реформа 1649—1652 гг. и отдельные мероприятия второй половины XVII в.⁵⁷ Это наглядно проявилось при оформлении цехов в начале XVIII в. Основную часть пришедших ремесленников в Москве составили крестьяне (3189 человек, 46,3%); в числе пришедших в петербургских цехах крестьян было более половины (55%), из них 470 помещичьих и 368 дворцовых и монастырских⁵⁸. В 1726—1730 гг. в московских цехах значилось уже 4792 выходца из крестьян (56,9%)⁵⁹. Значительное количество крестьян поселилось в первой половине XVIII в. на посадах Нижнего Новгорода⁶⁰, Нижнего Тагила⁶¹ и др.

⁵² А. А. Введенский. Торговый дом XVI—XVII вв., Л., 1924, стр. 112, 120, 129, 133; Н. В. Устюгов. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в. «Исторические записки», т. 6, стр. 167—194; Его же. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в., М., 1957, стр. 150—151, 193—194, 214; П. А. Колесников. Из истории классовой борьбы вологодских крестьян в XVII в., Вологда, 1957; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.), М., 1960, стр. 118, 609—610; А. А. Преображенский. Предприниматели Тумашевы в XVII в. «Русское государство в XVII в.», М., 1961, стр. 125—126.

⁵³ А. Н. Сперанский. Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства, М., 1930, стр. 144—147, 150—152, 186—189; А. И. Заозерский. Царская вотчина XVII в., М., 1937, стр. 177—178; Н. А. Бакланова. Постройка нового Гостиного двора в Москве в 1660—1665 гг. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», сб. статей, М., 1952, стр. 195; Н. В. Воронцов. О рынке рабочей силы в XVIII в. «Вопросы истории», 1955, № 3, стр. 94.

⁵⁴ А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в., М.—Л., 1929, стр. 98, 145, 172—174.

⁵⁵ А. И. Заозерский. Указ. соч., стр. 161—163, 174—176.

⁵⁶ С. И. Архангельский. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области в XVII—XIX вв., 1950, стр. 56—57. См. также А. М. Орехов. Товарное производство и наемный труд в промышленности по переработке животного сырья в Нижнем Новгороде XVII в. «Русское государство в XVII веке», сб. статей, М., 1961, стр. 86.

⁵⁷ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., тт. I—II. М.—Л., 1947—1948; А. Г. Маньков. Борьба посада с феодалами во второй половине XVII в. «Исторические записки», т. 64, стр. 217—232.

⁵⁸ Е. И. Заозерская. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII в. «Вопросы истории», 1949, № 6, стр. 75.

⁵⁹ И. В. Мешалин. Указ. соч., стр. 55—56.

⁶⁰ Е. И. Заозерская. Бегство и отход в первой половине XVIII в. «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)», сб. статей, М., 1958, стр. 172—173.

⁶¹ А. С. Черкасова. Состав населения Нижнего Тагила в середине XVIII в. «Вопросы истории Урала», сб. статей, вып. 39, ч. 1, Свердловск, 1961, стр. 34.

В первой половине XVIII в. увеличился крестьянский отход на заработки. Нередко из явления случайного отход превращался в постоянное занятие, которому не препятствовали и сами помещики⁶². Вряд ли мы совершим ошибку, утверждая, что крестьяне-отходники и беглые преобладали в общей массе вольнонаемных рабочих в мануфактурной промышленности. Много крестьян работало на металлургических заводах Урала и Центра. В 1717 г. на Невьянском заводе среди работников наиболее многочисленную группу составляли крестьяне — дворцовые, государственные, монастырские, меньше — помещичьи; в последующие годы приток крестьян усиливается, особенно из Среднего Поволжья; среди пришлого люда преобладала беднота⁶³. В 1733—1734 гг. на предприятиях Демидова из 3595 работников было 2600—2700 пришлых, в том числе 2370 государственных крестьян, монастырских — 91, помещичьих — 56; в начале 50-х годов XVIII в. только у 8 горнозаводчиков (Демидовых, Осокиных и др.) до трети рабочих кадров составляли пришлые люди⁶⁴. Показательно, что В. Геннин доносил правительству, что если оно, «милосердая о помещиках», намерено вернуть им беглых крестьян, «заводы будут пусты»⁶⁵. Заводы Центра также привлекали отходников. На предприятиях Баташевых работали по найму сотни крестьян»⁶⁶.

В текстильной промышленности наблюдается такая же картина. Среди мастеровых и работных людей текстильных мануфактур первых десятилетий XVIII в. третью часть составляли крестьяне. Промышленные переписи 30—40-х годов XVIII в. зафиксировали, что подавляющее число работников вышло из крестьян (в основном монастырских и дворцовых)⁶⁷. Кадры московских мануфактур систематически пополнялись крестьянами, которые по своей численности занимали первое место среди вольнонаемных (5322 человек, 83% от всех учтенных работников с конца 1730 по начало 1760-х годов)⁶⁸. Дворцовые крестьяне Подмоскowsья регулярно, особенно в первой трети XVIII в. и с 1760-х годов, уходили на московские, в том числе текстильные предприятия; этот отход был узаконен инструкцией 1731 г.⁶⁹ На рынке рабочей силы Ярославля 20-х годов XVIII в. главной фигурой был крестьянин-отходник (в основном из близлежащих уездов). Крестьяне работали на водном и гужевом транспорте, на кожевенных предприятиях, на строительстве⁷⁰.

Во второй половине XVIII в. отход принимает еще большие размеры, захватывая и массу помещичьих крестьян. Из некоторых встчин

⁶² Ф. А. Рязановский. Крестьяне галичской вотчины Мещериновых в XVII и первой половине XVIII в., Галич, 1927, стр. 48.

⁶³ Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. 1, стр. 356, 359—360, 362; Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в., М., 1953, стр. 401 и др.

⁶⁴ М. В. Злотников. К вопросу о формировании вольнонаемного труда в крепостной России (первая половина XVIII в.). «История пролетариата СССР», сб. 1, М., 1930, стр. 146—147.

⁶⁵ Е. И. Заозерская. Бегство и отход в первой половине XVIII в., стр. 167.

⁶⁶ К. К. Демидовский. Рабочая сила на заводах Приокского округа в XVIII в. «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)», М., 1958, стр. 492—494.

⁶⁷ Е. И. Заозерская. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20—60 гг. XVIII в., М., 1960, стр. 9, 162, 290, 292 и др.; И. С. Курицын. Формирование рабочей силы на текстильных мануфактурах в XVIII в. «Исторические записки», т. 5, стр. 141—187; В. Бухина. Малоярославская фабрика до закрепощения рабочих (1718—1737). «История пролетариата СССР», сб. 2, М., 1930, стр. 134.

⁶⁸ А. П. Дорошенко. О сущности социально-экономических отношений в указной легкой промышленности Москвы в 1730—1760 годы. «УЗ Моск. обл. пед. ин-та», т. XXIV, М., 1958, стр. 63—64; см. также. Е е ж е. Рабочая сила в указной легкой промышленности Москвы в 1730—1760 гг. «История СССР», 1958, № 5, стр. 144—167.

⁶⁹ С. И. Волков. Крестьяне дворцовых владений Подмоскowsья в середине XVIII в. (30—70 годы), М., 1959, стр. 54—61.

⁷⁰ М. Я. Волков. Рынок рабочей силы Ярославля 20-х годов XVIII в. «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1959, № 1, стр. 75, 77, 80, 81, 84.

Нижегородской губернии на заработки уходило до 20% всего взрослого населения⁷¹. Массовый характер принял отход в Пензенской губернии⁷². Число крестьян Ярославской губернии, взявших паспорта для работы в отход, с 1788 г. по 1798 г. выросло с 53 656 до 73 663⁷³. Из Костромской провинции в 1765 г. ушло на заработки 8400 крестьян; в дальнейшем их количество возрастает⁷⁴. С 70-х годов XVIII в. резко увеличивается отход крестьян Егорьевского уезда в промышленность, на водный транспорт, а также на Дон и в «степные места»; это же отмечено по Вяземскому уезду⁷⁵. Примечательно, что наряду с возрастанием отхода из Воронежской губернии (многие крестьяне в начале 1760-х годов «пришли в оскудение и от того земли свои прожиточным мужикам в наем отдают, и сами идут в работу на водяные суда и в другие промыслы, а прочие к тем же прожиточным мужикам нанимаются работая») отмечен приход сюда большого числа сельскохозяйственных и транспортных рабочих из других мест⁷⁶. Большое количество отходников сосредоточивалось на уральских заводах⁷⁷. Когда в середине XVIII в. прошел слух о приеме в астраханские казенные сады всех приходящих людей, то сюда устремились тысячи беглецов, искавших заработка и стремившихся освободиться от крепостной неволи⁷⁸. Крестьяне Вятской губернии уходили на заработки целыми семьями⁷⁹.

Наряду с отходом в города замечен отход на предприятия богатых крестьян-мануфактуристов, расположенные в сельской местности. На предприятиях Грачевых в селе Иваново работали дворцовые и монастырские крестьяне, а с середины XVIII в. и крепостные Шереметева. На бумажной «фабрике» Тороповых, построенной в Юхотской волости в 1784 г., трудились как местные крестьяне, так и крестьяне из шереметевских владений в Клинском уезде⁸⁰.

Многие помещики поощряли отход своих крестьян на заработки. Так, крестьяне Ярославской вотчины М. М. Щербатова уходили в Москву, Петербург, Кронштадт, Кострому, Ярославль, Казань, где работали в качестве фабричных рабочих, каменщиков, плотников, столяров, штукатуров, резчиков по металлу и дереву, пекарей, пирожников, приказчиков и мелких торговцев; сроки ухода удлинялись. М. М. Щербатов в целях увеличения доходов заставлял крестьянских детей обучаться

⁷¹ Л. Ф. Захарова. Борьба помещичьих крестьян против крепостного гнета во II половине XVIII в. «Тр. Горьковск. пед. ин-та», т. XVIII, Горький, 1956, стр. 4.

⁷² И. А. Булыгин. Расслоение крепостного крестьянства во владениях Полянских в последней трети XVIII в. «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)», сб. статей, М., 1958, стр. 336—340.

⁷³ М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. изд. 3, т. I, СПб., 1907, стр. 44—45.

⁷⁴ Э. А. Нерсесова. Экономическое состояние костромской провинции Московской губернии по хозяйственным анкетам 1760 годов. «Исторические записки», т. 40, стр. 163.

⁷⁵ Л. В. Милов. Указ. соч., стр. 112, 114.

⁷⁶ Б. Д. Греков. Избранные труды, т. III, М., 1960, стр. 274, 280.

⁷⁷ В. Я. Кривоногов. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII в., Свердловск, 1959; П. А. Вагина. К вопросу о состоянии рабочей силы на заводах Южного Урала после крестьянской войны 1773—1775 гг. «Вопросы истории Урала», сб. статей, вып. 39, ч. 1, Свердловск, 1961, стр. 45—64; Е. Е. Формирование рабочих кадров на заводах Южного Урала в 50—60 годах XVIII в. «Исторические записки», т. 47, стр. 325—326.

⁷⁸ И. В. Чекан. Формирование рабочей силы для астраханских и красноярских казенных садов в середине XVIII в. «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)», М., 1958, стр. 290—291.

⁷⁹ С. В. Токарев. Крестьяне Вятской провинции в XVIII в., Вятка, 1928, стр. 25—26.

⁸⁰ А. А. Степанов. Крестьяне фабриканты Грачевы. «Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея», I, Л., 1928, стр. 213—252; Е. Г. Бумажная фабрика шереметевских крепостных Тороповых. Там же, стр. 253—256; см. также А. М. Разгон. К истории разложения крестьянства во второй половине XVIII в. «Вопросы истории», 1955, № 9, стр. 63—75 и др. его работы.

различным специальностям; в письмах приказчикам он указывал, на какие профессии в столичных городах был наибольший спрос⁸¹.

Постепенно отход приобретает характер постоянного занятия крестьян. Так, работа на частных кирпичных заводах Москвы, где ежегодно было занято 900—1000 наемных формовщиков и сушников из крестьян Московской, Тульской, Калужской, Костромской и других губерний, стала в последней четверти XVIII в. устойчивой специальностью сельского населения; примерно 75% крестьян были частновладельческими, остальные — экономическими⁸².

Ослабление феодальной зависимости, например секуляризация церковных имуществ, способствовало углублению буржуазного расслоения, что выражалось, в частности, и в росте отхода экономических крестьян⁸³.

Более всего привлекали отходников Москва и Петербург. Показателен такой факт, что в начале XVIII в. крестьяне села Федоровского Костромского уезда утверждали, что в Москве проживало 200 их односельчан⁸⁴. В 20-х годах XVIII в. на строительстве Петербурга стал применяться в основном вольнонаемный труд, заменивший принудительный набор рабочей силы. Главный контингент наемных работников, по-видимому, составляли крестьяне, в том числе отпущенные на заработки крепостные⁸⁵. В середине XVIII в. в Петербург на заработки стекались крепостные оброчные крестьяне со всей страны⁸⁶.

Рост отхода на протяжении XVII—XVIII вв. наглядно виден на примере Волжского торгового пути, наибольшее число отходников для которого давало крестьянство приволжских уездов. Если в XVII в. только в низовьях Волги скоплялось ежегодно несколько десятков тысяч «гуляющих людей» (а вероятно и свыше 100 тыс. человек), ищущих заработка⁸⁷, то во второй половине XVIII в., согласно составленному тогда описанию р. Волги, «одних рабочих людей всегда на судах, вверх и вниз ходящих, також и рыболовы, по малой мере до миллиона считают»⁸⁸.

Определенный слой сельских жителей покидал родные места не с целью «прокормления», а для более широкого развертывания предпринимательской деятельности. В XVII в. как чернососное, так и частновладельческое крестьянство наряду с посадом приняло значительное участие в образовании нового «купецкого чина», многие представители которого перебрались из деревень в города. Эти «капиталисты-купцы» известны не только как предприниматели и затравилы складывавшегося всероссийского рынка, но и как активные участники внешнеторговых операций. Русский резидент в Швеции кн. А. Хилков в связи с началом Северной войны в таких словах описывал положение русских людей, очутившихся в тот момент на чужбине: «И плач ныне велик обретается в крестьянах, которые в Стокгольме купецкие и работные люди»⁸⁹.

⁸¹ Л. В. Сретенский. Помещичья вотчина Ярославской губернии во второй половине XVIII в. «УЗ Ярославск. гос. пед. ин-та», вып. XXV (XXXV), Ярославль, 1958, стр. 501—507.

⁸² Н. В. Воронов. Московские кирпичные заводы в XVIII в., автореф. канд. дисс., М., 1957, стр. 13.

⁸³ См. Б. Б. Кафенгауз. Некоторые вопросы генезиса капитализма в России, стр. 10; В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. II, стр. 669—670.

⁸⁴ А. Л. Шапиро. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время, стр. 36.

⁸⁵ С. П. Луппов. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в., М.—Л., 1957, стр. 84—90.

⁸⁶ А. В. Софорова. Положение трудящихся Петербурга и их классовая борьба в 60—70-е годы XVIII в. «УЗ Вологодск. гос. пед. ин-та», т. 14, Вологда, 1954, стр. 15.

⁸⁷ И. В. Степанов. Отход населения на заработки в Поволжье в XVII в. «УЗ ЛГУ», серия историч. наук, вып. 14, стр. 141, 146, 152 и др.

⁸⁸ ЦГАДА, Коллекция Г. В. Юдина, д. 155, л. 97.

⁸⁹ См. подробнее С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II, М., 1954, стр. 133, 206 и др.; т. III, ч. I, М., 1955, стр. 213—214 и др.; т. IV, М., 1959, стр. 126—127; см. также К. Н. Сербинина. Очерки из социально-экономической истории русского города, М.—Л., 1951; Н. А. Бакланова. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в., М., 1959.

Крестьяне Иверского монастыря, ссужая деньгами разорившихся горожан Старой Русы под заклад дворов, соляных и варничных мест, сами становились посадскими людьми⁹⁰. В середине XVII в. двое беглых крестьян имели в Симбирске 7 мельниц, соглашаясь уплачивать за них в казну 400 руб. ежегодно. После смерти крестьянина Спасского монастыря (Ярославский уезд), который вел крупную торговлю «со многими русскими и немецкими городами», вдовой был предъявлен иск в нанесенном ей ущербе на сумму 20 тыс. руб.⁹¹. Среди крупных владельцев рыбных промыслов на Мурманском побережье, нанимавших артели работников, были и крестьяне⁹². В 40-х годах XVII в. некоторые крестьяне села Павлово Нижегородского уезда вели крупную торговлю не только в пределах своей округи, но и на других рынках; посещали Астрахань и даже ездили торговать «всякими товары в Кизильбаши»⁹³. Во второй половине XVII в. в числе крупных волжских солепромышленников отмечены богатые крестьяне Нижегородского и других уездов⁹⁴. В начале XVIII в. в Соли Камской действовало 5 заводов строгановских крестьян, которые нанимали «тутошных» рабочих людей⁹⁵. Дворцовые крестьяне заводили в городах крупные предприятия: кожевенные, керамические, текстильные, пуговичные⁹⁶.

В 20-х годах XVIII в. встречались наряду с монастырскими бобылями, уходившими в город на заработки, и бобыли, которые совершали тысячные торговые обороты⁹⁷. Переход дворцовых крестьян в купечество в первой половине XVIII в. принял значительные размеры. За первые 60 лет столетия в дворцовых селениях Центрально-промышленного района насчитывалось 1416 дворов, записавшихся в купечество и отчасти в цехи. В 1760 г. из 122 лавок Екатеринбурга 58 (47,5%) принадлежали крестьянам⁹⁸. В 1742 г. 10 зажиточных осташковских крестьян числились петербургскими купцами⁹⁹. Саратовское и нижегородское купечество пополнялось за счет монастырских, дворцовых и помещичьих крестьян¹⁰⁰. С 1783 г. по 1787 г. из дворцовых и экономических крестьян приписалось к Нижнему Новгороду 166 человек, в основном торговцы. В 80-е годы XVIII в. бывший дворцовый крестьянин, а затем нижегородский купец К. М. Прянишников построил близ Городца «фабрику» по производству синей краски, затратив 10 тыс. руб.¹⁰¹. Если основная масса отходников из Ярославской вотчины М. М. Щербатова уходила на заработки, то зажиточные крестьяне, перебравшиеся в Москву и Петербург, наоборот, нанимали работников. Сам Щербатов

⁹⁰ А. Г. Маньков. Указ. соч., стр. 223.

⁹¹ С. Г. Томсинский. Указ. соч., стр. 69, 74.

⁹² Н. И. Ульянов. Феодалная колонизация и экономика Мурман в XVII в. «Исторический сборник», т. 1, Л., 1934, стр. 114—115. Данное явление отмечено и для Сибири начала XVIII в., см. Н. К. Ауэрбах, Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисей, Красноярск, 1929, стр. 13.

⁹³ К. Н. Щепетов. Торгово-промышленная деятельность и расслоение крестьянства в вотчинах Черкасских, стр. 55.

⁹⁴ И. В. Степанов. Организация соляных промыслов в низовьях реки Волги в XVII в. «УЗ ЛГУ», серия историч. наук, вып. 8, Л., 1941, стр. 154—156.

⁹⁵ Е. И. Заозерская К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII в., стр. 79.

⁹⁶ И. В. Мешалин. Указ. соч., стр. 40—41; Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в., стр. 408; С. И. Волков. Указ. соч., стр. 68—73.

⁹⁷ А. Л. Шапиро. Эволюция бобыльства в России в XVIII в., стр. 97.

⁹⁸ Е. И. Индова. Роль дворцовой деревни первой половины XVIII в. в формировании русского купечества. «Исторические записки», т. 68, стр. 191, 209 и др.

⁹⁹ Ю. Р. Клокман. Очерки социально-экономической истории городов северо-запада России в середине XVIII в., М., 1960, стр. 139.

¹⁰⁰ Е. Н. Кушева. Саратов в третьей четверти XVIII в., Саратов, 1928, стр. 10—11 и др.; Е. Н. Кушева. Хозяйство дворян Шахматовых в XVIII в. «Изв. АН СССР», VII серия, Отд. гуманит. наук, 1929, № 7, стр. 575.

¹⁰¹ С. И. Архангельский. Указ. соч., стр. 64, 77 и др.

рекомендовал отходникам наниматься к его же крестьянам¹⁰². Недаром на протяжении XVII—XVIII вв. усиливаются жалобы купцов и предпринимателей на возрастающую конкуренцию крестьян, владельцев промышленных заведений и крупных торговцев¹⁰³. Так, в 1750 г. смоленские купцы жаловались, что им с крестьянами «тягаться не возможно»¹⁰⁴.

Попытаемся наметить специфические черты и особенности, характерные для состояния производительных сил и производственных отношений русской деревни в изучаемый период.

При исследовании становления капиталистических отношений в деревне XVII—XVIII вв. прежде всего следует иметь в виду особенность рождения капитализма, выявленную К. Марксом. Изучая пореформенную экономику, В. И. Ленин исходил из этой закономерности, присущей начальному этапу развития буржуазных связей. Он писал, что «капитал сначала подчиняет себе производство таким, каким он его находит, и лишь впоследствии преобразует его технически»¹⁰⁵.

Таким образом, изучая зарождение капиталистических отношений в деревне, в первую очередь следует иметь в виду не технический уровень развития производительных сил, а всю совокупность социально-экономических отношений в «новый период русской истории». Внимание исследователей крестьянства позднего феодализма должно быть направлено не только на количественные показатели новых явлений, но и на качественные сдвиги, хотя они зачастую в это время выражены еще недостаточно четко. «Капитал,— указывал В. И. Ленин,— это известное отношение между людьми, отношение, остающееся таковым же и при большей и при меньшей степени развития сравниваемых категорий»¹⁰⁶.

Существенной особенностью развития сельского хозяйства в период зарождения капиталистических отношений является то, что отрыв непосредственных производителей от средств производства совершался не только медленно, но и процесс этот не приобрел каких-либо законченных форм. Даже о пореформенной эпохе В. И. Ленин писал, что «до полного отделения производителя от средств производства еще много промежуточных ступеней»¹⁰⁷. Очевидно, в более ранний период экспроприация крестьянства совершалась еще менее заметными шагами. Медленно и своеобразно вырастал рынок рабочей силы. Однако такое своеобразие не должно заслонять процесса развития буржуазных отношений; капитализм на начальной стадии его развития, «капитализм простой кооперации и мануфактуры нигде и никогда не был связан с полным отлучением работника от земли, несколько не переставая, разумеется, от этого быть капитализмом»¹⁰⁸.

Производственные отношения нового типа в аграрной стране на первых порах своего развития слабо выражены вследствие того обстоятельства, что «в земледелие капитализм проникает особенно медленно и среди чрезвычайного разнообразия форм»¹⁰⁹. Ясно, что это положение имеет особое значение для крепостнической России.

Особенности проникновения капитализма в сельское хозяйство обусловили целый ряд специфических черт экономического строя деревни в течение длительного времени. На начальной стадии развития капитализма в деревне господствует мелкое, раздробленное крепостное крестьянское хозяйство, базирующееся на примитивной технике, а потому

¹⁰² Л. В. Сретенский. Указ. соч., стр. 505—506.

¹⁰³ А. С. Лаппо-Данилевский. Русские промышленные и торговые компании, в первой половине XVIII ст., СПб., 1899, стр. 101—105.

¹⁰⁴ Е. И. Индова. Роль дворцовой деревни первой половины XVIII в. в формировании русского купечества, стр. 210.

¹⁰⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 417.

¹⁰⁶ Там же, стр. 200—201.

¹⁰⁷ Там же, стр. 445.

¹⁰⁸ Там же, стр. 193—194.

¹⁰⁹ Там же, т. 3, стр. 146.

отличающееся крайне низкой производительностью труда¹¹⁰. Однако по мере развития товарно-денежных отношений патриархально-натуральные устои стали постепенно подтачиваться.

Несмотря на господство феодального землевладения и крепостничества в деревне XVII и особенно XVIII в. заметно становление, хотя и в очень ограниченных размерах, буржуазной собственности на землю. Наряду с купцами владельцами земельных угодий были и крестьяне.

В XVII столетии указанное явление более явственно выступает в Поморье и Сибири, где отсутствовало помещичье землевладение. Одна из особенностей черносошной деревни заключалась в сравнительной свободе распоряжения земельными участками вплоть до купли-продажи. Это вело к обезземеливанию бедноты и к сосредоточиванию земли у богатеев. К началу XVIII в. более 13% кунгурских земледельцев потеряли свои пашенные земли и работали у других крестьян¹¹¹.

Верхушка частновладельческой деревни XVII в. также вносила свои поправки в землепользование общины. Так, зажиточные крестьяне Солотчинского монастыря захватывают «лутчую» и «навозную» землю, а «худую» и не навозную отдают скудным и маломочным крестьянам¹¹².

В XVIII в., особенно к середине столетия, еще ярче заметна мобилизация земель в деревне. Наблюдается стремление отдельных крестьян выйти за пределы земельного надела, причем это не всегда объяснялось расширением семьи и т. п., а носило предпринимательские черты.

В Сибири уже в XVII—начале XVIII в. эксплуатация наемного труда, как местных старожилов, так и пришлых, не была редким и случайным фактом. В дальнейшем она становится «обыденным» явлением. Если в XVII в. на территории Илимского уезда источники не отмечают безлошадных и беспосевных крестьян, то в XVIII в. они уже налицо и пополняют кадры батраков, работавших у богатеев¹¹³. Многолошадные и «капиталисты» крестьяне М. Г. Головкина в середине XVIII в. на надельной и арендованной земле эксплуатировали наемный труд и труд крепостных, купленных на имя господина¹¹⁴. Аренда земли зажиточными помещичьими крестьянами в 30—50-х годах XVIII в. наблюдалась во многих районах; в этих же районах доля бедноты, работавшей и по найму, составляла от 30 до 40%¹¹⁵. В дворцовой деревне под Петербургом количество крестьян-наймитов у зажиточных односельчан достигало 23—25% от общего населения. Характерен рост числа хозяйств, нанимающих по 3 и более работников¹¹⁶. Во второй половине XVIII в. покупка и аренда земли крестьянами получает значительно большее распространение, что углубляло нарушение надельного землепользования¹¹⁷. В 1760-х годах, по неполным данным, в Костромском уезде насчитывалось 2029 безземельных и малоземельных крестьян; оскудевшие крестьяне сдавали свою землю «пожиточным мужикам», а сами либо

¹¹⁰ В. И. Ленин. Соч. т. 1, стр. 200—201, 281, 403, 463—464.

¹¹¹ А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII—начале XVIII в., М., 1956, стр. 216; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 533, 604—605.

¹¹² А. П. Дюброклонский. Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII в. «Чтения ОИДР», 1888, кн. 1 (144), отд. 1, стр. 59.

¹¹³ В. Н. Шерстобоев. Указ. соч., т. 1, стр. 232, 281 и др.; т. II, стр. 669—670 и др.; см. также А. А. Преображенский. Работные люди на Урале в XVII—начале XVIII в. «Из истории рабочего класса Урала», сб. статей. Пермь, 1961, стр. 58—63.

¹¹⁴ П. К. Алефиренко. Крупное вотчинное хозяйство графа М. Г. Головкина в России первой половины XVIII в., стр. 146—147.

¹¹⁵ П. К. Алефиренко. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50 годах XVIII в., М., 1958, стр. 3—92.

¹¹⁶ Е. И. Индова. Наемный труд у крестьян царскосельских дворцовых деревень в первой половине XVIII в. «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)», сб. статей, М., 1958, стр. 199, 205—207 и др.

¹¹⁷ Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в., стр. 38—49.

уходили на заработки, либо нанимались в работники к тем же «пожиточным»¹¹⁸. В вотчинах Куракиных, вопреки запрету, сложилась практика увеличения надела за счет «чищебных земель». Как правило, владельцами внеадельной земли, составлявшей третью часть по отношению к надельной, выступали зажиточные крестьяне¹¹⁹. Заметные размеры приобрела покупка земли богатыми крестьянами в государственной и экономической деревне; на этих участках работали наемные работники¹²⁰. В некоторых селах Нижегородской губернии во второй половине XVIII в. число безземельных хозяйств составляло 17—25%¹²¹. В ярославской вотчине М. М. Щербатова крестьяне не только арендовали, но и покупали земли, иногда вместе с крепостными¹²². В 70—80-х годах XVIII в. верхушка крестьян в вотчинах Полянских, составлявшая 12—14% населения, имела 35—40% всех посевов и большую часть поголовья скота. Бедняки, составлявшие не менее четверти дворов, часто сдавали землю богатым и работали в их хозяйствах¹²³.

Распространение внеадельного землепользования и эксплуатации наемного труда в XVIII в. стали настолько заметными явлениями, что помещикам нередко приходилось учитывать эти сдвиги в своих вотчинах. В. Н. Татишев в инструкции указывал: неплатежеспособного крестьянина отдавать «другому в батраки без зарплаты, который будет платить за него подать и землею ево владеть, а ево ленивца будет иметь работником»¹²⁴. В 1789 г. домовая контора П. А. Румянцева запретила земельный передел, так как оказалось, что у многих крестьян земли покупные¹²⁵. Индивидуальное пользование купленной землей, не попадающей в общий передел, способствовало расслоению крестьян.

Увеличение земельных участков у деревенской верхушки преследовало цели повышения товарного уровня земледельческого хозяйства. В XVII в. отчетливо можно наблюдать развитие товарного производства сельскохозяйственных продуктов у многоземельного слоя поморского крестьянства. Примечательно, что богатые крестьяне реализовывали свою продукцию не только на местном, но и на отдаленных рынках¹²⁶. Чрезвычайно показательно, что отвлечение значительной части крестьян от земледельческих занятий не приводило к падению уровня сельскохозяйственного производства. Так, для Костромской провинции середины XVIII в. отмечено, что возраставший крестьянский отход протекал параллельно с расширением товарности зернового хозяйства богатых крестьян¹²⁷. Еще больше товарной продукции давали зажи-

¹¹⁸ Э. А. Нерсесова. Указ. соч., стр. 161—162.

¹¹⁹ Э. С. Коган. Очерки истории крепостного хозяйства. М., 1960. стр. 35—45.

¹²⁰ А. С. Черевань. Из истории земледельческого хозяйства государственных крестьян Карелии, европейского севера России и Урала во второй половине XVIII — первой трети XIX в. «Вопросы истории», сб. статей Петрозаводск. гос. ун-та, вып. 1, Петрозаводск, 1961, стр. 90—91 и др.; А. А. Кондрашенков. Крестьянские восстания в Исетской провинции в 60—70-х гг. XVIII в. «Из истории Урала», сб. статей, Свердловск, 1960, стр. 121; Д. Д. Балуева. Имущественное расслоение и развитие отходничества в Коми деревне в середине XVIII в. «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)», сб. статей, М., 1958, стр. 227—228, 234—235, 237.

¹²¹ Л. Ф. Захарова. Указ. соч., стр. 5.

¹²² Л. В. Сретенский. Указ. соч., стр. 515—516.

¹²³ И. А. Булыгин. Указ. соч., стр. 332, 336.

¹²⁴ И. Бак. К вопросу о генезисе капиталистического уклада в крепостном хозяйстве России. «Вопросы истории», 1948, № 4, стр. 74.

¹²⁵ В. И. Кошелев. Оброчная дворянская вотчина на рубеже XIX в. «Изв. Воронежск. гос. пед. ин-та», т. VI, вып. 3, Воронеж, 1940, стр. 58.

¹²⁶ А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в., стр. 139—146; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 166—168, 183, 189—191, 576—593, 657—658; В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.), стр. 328, 429; А. Н. Копылов. Енисейский земледельческий район в середине XVII в. и его значение для снабжения хлебом Восточной Сибири. «Гр. Моск. госуд. ист.-арх. ин-та», т. 10, М., 1957, стр. 121.

¹²⁷ Э. А. Нерсесова. Указ. соч., стр. 164.

точные крестьяне черноземной полосы (Воронежская и др. губернии) ¹²⁸.

В XVII и главным образом в XVIII в. крупные крестьянские хозяйства, втягивающиеся в рыночные отношения, все чаще обращаются к эксплуатации чужого труда.

При изучении буржуазного расслоения степень распространения наемного труда является наиболее показательной для определения глубины и размаха процесса. В XVII—XVIII вв., естественно, количественные показатели эксплуатации чужого труда не могли быть значительными. Более того, сама форма найма усложнена, экспроприация крестьянства делает еще только первые шаги, непосредственные производители эксплуатируются «поодиночке, приемами полукрепостническими» ¹²⁹. К тому же в период генезиса капитализма очень большую роль играет семейная кооперация, которая при развитии товарного хозяйства «является залогом и основанием капиталистической кооперации» ¹³⁰. Для феодально-крепостнической страны характерно наличие в значительных размерах эксплуатации крестьян в форме покупки продукта труда наряду с возрастающим применением наемной рабочей силы.

При слабо выраженной буржуазной сущности отношений характерно сохранение грубых, крепостнических форм эксплуатации. В. И. Ленин объясняет это тем, что «капитал, не будучи еще в состоянии прямо подчинить себе рабочего простой покупкой его рабочей силы по ее стоимости, опутывает трудящегося целой сетью ростовщических прижимок, привязывает его к себе кулаческими приемами» ¹³¹. Однако В. И. Ленин указывал, что и тогда, когда «эксплуатация массы производителей мелка, раздроблена, неразвита», а в силу этого «опутана средневековыми формами, разными политическими, юридическими и бытовыми привесками, уловками и ухищрениями», она остается по природе своей капиталистической, хотя ее буржуазная сущность скрыта, осложнена традициями прошлого ¹³². Недаром В. И. Ленин, говоря о средневековых формах эксплуатации, «которые были прикрыты личными отношениями», сравнивает отношения «господина к его подданному, местного кулака и скупщика к местным крестьянам и кустарям» ¹³³.

Необходимо в старых формах эксплуатации вскрывать черты новых производственных отношений. Установлено, что в XVII—XVIII вв. огромную роль играли кабальные отношения ¹³⁴. В этой связи показательно, что В. И. Ленин определял кабалу «как первоначальное проявление капитализма в земледелии» ¹³⁵. Именно в сельском хозяйстве, где развитие капиталистических форм идет в наиболее замедленном темпе, ярко проявляется господство кабалы во всех ее видах.

В. И. Ленин дал исчерпывающую характеристику кабалы, как зависимости производителя, владеющего своим хозяйством, от владельца денег (ростовщика, скупщика): «Сущность ее — чисто капиталистическая, и вся особенность заключается в том, что эта первичная, зародышевая форма капиталистических отношений целиком опутана преж-

¹²⁸ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 279; Э. С. Коган. Указ. соч., стр. 45, 50, 56, 60 и др.; Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в., стр. 242—316.

¹²⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 360.

¹³⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 347; ср. там же, стр. 346.

¹³¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 200.

¹³² Там же, стр. 280—281.

¹³³ Там же, стр. 383.

¹³⁴ См., напр. А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 340 и др.; С. В. Токарев. Указ. соч., стр. 54; Д. Д. Балужева. Указ. соч., стр. 227—230; Л. В. Сретенский. Указ. соч., стр. 514—515; А. А. Степанов. Крестьяне-фабриканты Грачевы, стр. 222; Е. Н. Кушева. Одна из форм кабальной зависимости в России XVIII в. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», сб. статей, М., 1952, стр. 249—260.

¹³⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 462.

ними, крепостническими отношениями»¹³⁶. «С научной же точки зрения это понятие объемлет все те сделки, в которых есть элемент *ростовщичества... или крепостничества*»¹³⁷.

Мы не касаемся здесь той кабалы, которая имела место в отношениях феодала и зависимого от него населения. Речь идет о кабальных отношениях в среде крестьянства.

В поморской деревне XVII—XVIII вв. огромную роль играла эксплуатация труда половников (издольщиков). В Устюжном уезде XVII в. больше всего половников (около 45%) работало в зажиточных крестьянских хозяйствах, у некоторых богатеев было до 15—17 половников¹³⁸. В XVIII в. эксплуатация этой категории еще более возросла. В 1793 г. у 18 крестьян того же уезда зарегистрировано 289 половников, в том числе у одного Федора Дружкова их было 112 человек¹³⁹. Изменения в положении половников на протяжении изучаемого периода (увеличение числа безлошадных; частые переходы от одного владельца к другому) дают основание полагать, что половничество является своеобразной переходной формой к наемному труду в сельском хозяйстве. Это подтверждается фактом пополнения рядов наймитов за счет бывших половников. Таким образом, феодальная оболочка половничества, бытовавшего с давних времен, в период складывания буржуазных отношений включает в себе и новые черты.

В рассматриваемую эпоху крестьянская верхушка охотно шла на использование труда беглых и крепостных, купленных на имя господина.

Деревенская верхушка, не ограничивая свою деятельность сельскохозяйственным производством и торговлей, вкладывала также денежные средства в различные промышленные заведения. Уже с XVII в. довольно широко отмечается аренда или откуп зажиточными крестьянами мельниц¹⁴⁰. Интенсивное развитие крестьянских неземледельческих промыслов, приводившее к товаризации домашней промышленности, создавало предпосылки для возникновения в сельской местности мануфактурных предприятий богатых крестьян. Так, по свидетельству Кильбургера, первые железоделательные заводы Тульско-Каширского района вынуждены были прекратить выработку гвоздей и других изделий из-за конкуренции крестьянских промыслов, в изобилии поставлявших такую продукцию на рынок¹⁴¹. В 1770-х годах около 40% крестьян Московской губернии выбрасывало на рынок промышленные изделия, изготовленные в их хозяйствах¹⁴². По замечанию С. И. Архангельского, в XVII в. в развитых промысловых селах торговый капитал готовил домашнюю форму крупной промышленности, которая в последующем столетии получила значительное распространение. И. В. Мешалин распространение работы на дому в текстильном производстве относил к концу XVIII в. Как показало исследование Е. И. Заозерской, в полотняном деле работа на дому стала практиковаться уже в 1740—1750 годах вместе с распространением труда отходников из деревни¹⁴³.

В XVIII в. в сельской местности возникла и централизованная мануфактура. Крепостные Шереметевых — Бутримовы, Грачевы, Тороповы, Гарелины и другие составили определенный слой формирующейся рус-

¹³⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 463.

¹³⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 124.

¹³⁸ А. Ц. Мерзон. Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 353, 534—536.

¹³⁹ А. С. Черевань. Указ. соч., стр. 90—91.

¹⁴⁰ А. П. Доброклонский. Указ. соч., стр. 60; И. И. Дубасов. Очерки из истории Тамбовского края, вып. IV, М., 1887, стр. 37; С. Г. Томсинский. Указ. соч., стр. 73; К. Н. Щелетов. Торгово-промышленная деятельность и расслоение крестьянства в вотчинах Черкасских, стр. 68.

¹⁴¹ Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, Киев, 1915, стр. 169.

¹⁴² И. В. Мешалин. Указ. соч., стр. 31.

¹⁴³ Е. И. Заозерская. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах в 20—60 гг. XVIII в., стр. 96, 270—271, 280—281.

ской буржуазии. Их предприятия базировались на труде как шереметевских крестьян, так и отходников из других вотчин, их сказочные состояния выросли на эксплуатации массы крепостного крестьянства.

В буржуазном расслоении крестьянства большое место необходимо отвести первичным формам капитала — торговому и ростовщическому. Если в пореформенной России крепостнические пережитки в деревне, препятствуя переливанию мелких капиталов в земледелие и промышленность, вызывали непомерную распространенность *«низших и худших форм капитала, торгового и ростовщического»*¹⁴⁴, то в XVII—XVIII вв. они имели еще большее значение в крестьянской жизни¹⁴⁵.

В пореформенной России работа на скупщика выступала как «отстающая форма капитализма»¹⁴⁶; в предшествующий же период по сравнению с феодальными формами хозяйствования она отражала поступательное развитие новых явлений в экономике.

В XVII—XVIII вв. скупка сельскохозяйственных и промысловых продуктов крестьянского хозяйства неуклонно возрастала, становилась обыденным явлением деревенской жизни. Значительную роль в скупщических операциях начинали играть зажиточные крестьяне¹⁴⁷. Было бы неверно не видеть противоречивости в результатах деятельности первичных форм капитала. «Самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала... *задерживает* разложение крестьянства», — указывал В. И. Ленин¹⁴⁸. Подобное явление в еще больших размерах, несомненно, имело место и в период позднего феодализма.

«Современная буржуазия, — указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, — сама является продуктом длительного процесса развития, ряда переворотов в способе производства и обмена»¹⁴⁹. Советская литература по отечественной истории XVII—XVIII вв. накопила значительный материал, показывающий зарождение буржуазных элементов не только в торговле, но и в промышленности, а также в сельском хозяйстве. Источником, за счет которого рекрутировалась русская буржуазия XVII—XVIII вв. наряду с жителями посадов были крестьяне — черносошные, помещичьи, монастырские, патриаршие, дворцовые. Известные фигуры крестьян-предпринимателей XVII—XVIII вв. не являются исключением. Архивные разыскания открывают новые факты этого рода, заставляющие видеть в выделении торгово-промышленных предпринимателей из крестьян отчетливо выраженное свидетельство буржуазного расслоения деревни.

В «новый период русской истории» торговый капитал не ограничивается сферой обмена. Большую роль в деятельности купеческих фамилий города и деревни начинают играть откупные и подрядные операции, связанные с некоторыми отраслями производства (винокурение, строительное дело и др.). Откупа и подряды, как показано в литературе, нередко становились источником накопления капиталов, переключаемых потом в различные отрасли производства.

Так, в середине XVII в. самостоятельные крестьяне частновладельческих вотчин Вяземского, Звенигородского и других уездов выступа-

¹⁴⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 53—54.

¹⁴⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 333.

¹⁴⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 402.

¹⁴⁷ См., напр., А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 98—100; В. А. Александров. Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII в. «Русское государство в XVII веке», сб. статей, М., 1961, стр. 131—150; А. Л. Шапиро. К истории крестьянских промыслов и крестьянской мануфактуры в России XVIII в., стр. 141 и сл.; Е. И. Индова. Льноводство в псковских дворцовых вотчинах в первой половине XVIII в. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», т. IV, М., 1960, стр. 506—514.

¹⁴⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 152.

¹⁴⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 426.

ют крупными подрядчиками вина на кружечные дворы ряда городов¹⁵⁰. Аналогичные факты имели место при поставках вина для Сибири. В 1667 г. «винный уговорщик», крестьянин боярина И. Б. Милославского Митрофан Иванов взял в Сибирском приказе подряд на 3 тыс. ведер вина и получил в счет подряда 3300 руб.¹⁵¹. В 1698 г. два крестьянина-подрядчика обязались поставить 16 тыс. ведер вина из расчета 15 алт. 4½ деньга за ведро¹⁵². Следовательно, сумма подряда приближалась к 8 тыс. руб. Многотысячные подрядные операции с хлебом в Зауралье (закупки в казну) осуществлял в 40-х годах XVII в. патриарший крестьянин Яким Яшуrow¹⁵³. Известны крестьянские подряды на изготовление строительных материалов в больших количествах (например, извести)¹⁵⁴. Особый размах подрядные операции крестьян получили в петровское время¹⁵⁵. Крестьяне-подрядчики выступали главными поставщиками руды, угля и других материалов в горнозаводской промышленности Урала XVIII в.¹⁵⁶

Характерной чертой в развитии торгового капитала в России XVII—XVIII вв. являлось обращение в область производства¹⁵⁷. Как отметил Н. В. Устюгов, почти все крупные торговые люди XVII в. в той или иной мере связаны с промышленностью¹⁵⁸. Е. И. Заозерской высказано мнение, что в конце XVII — начале XVIII в. купец-капиталист уже встал на путь организации производства¹⁵⁹.

Значительная часть купечества, вышедшего из деревни, и торгующих крестьян средства, накопленные в торговле, вкладывала в винокурение, солеварение, металлургию, текстильную промышленность и т. д., а также в земледелие. Из 36 фамилий крупных купцов, вышедших из дворцовых крестьян, 25 в течение первой половины XVIII в. вложили деньги в промышленность. Крупнейшими промышленниками первой половины XVIII в. были дворцовые крестьяне Миляковы. В конце XVII в. они обладали большими капиталами, нажитыми на винных откупах и торговле вином собственных винокурен, а в 1740-х годах стали владельцами ряда железоделательных заводов, работавших на наемном труде¹⁶⁰. Едва ли не самым ярким примером превращения торгующего крестьянина в одного из ведущих промышленников страны является путь оставшегося крестьянина С. Яковлева. Начав с торговли в разнос в 1733 г., он к 70-м годам XVIII в. стал владельцем более 20 горнометаллургических и других предприятий, одновременно занимаясь крупной торговлей¹⁶¹. Крестьяне Троице-Сергиевой лавры Осокины, занимаясь крупными подрядами, стали владельцами соляных промыслов, винокурен-

¹⁵⁰ ЦГАДА, Городовые книги по Вязьме, № 2, лл. 3 об., 5 об. — 6 об.; Городовые книги по Звенигороду, № 3, л. 2.

¹⁵¹ Архив ЛОИИ, Верхотурская воеводская изба, карт. 12, № 12, л. 6.

¹⁵² Там же, карт. 46, № 10, лл. 19—20.

¹⁵³ Там же, карт. 4, № 48, лл. 1 и сл. Ср. В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв. М.—Л., 1946, стр. 166—168; Ф. Г. Сафонов. Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.), Якутск, 1961, стр. 262.

¹⁵⁴ Архив ЛОИИ, Верхотурская воеводская изба, карт. 46, № 11, лл. 7 и сл.

¹⁵⁵ А. Л. Шапиро. Крестьянская торговля и крестьянские подряды в петровское время, стр. 209—210, 211—213 и др.

¹⁵⁶ В. Я. Кривоногов. Указ. соч., стр. 65 и др.

¹⁵⁷ См. С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II, стр. 231—247 и др.; В. Г. Гейман. Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде в XVII в. «Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 гг.», вып. 35, Л., 1929, стр. 11—38.

¹⁵⁸ «Русское государство в XVII веке», сб. статей, стр. 5.

¹⁵⁹ Е. И. Заозерская. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII в., стр. 83—84.

¹⁶⁰ Е. И. Индова. Роль дворцовой деревни первой половины XVIII в. в формировании купечества, стр. 202—204, 206.

¹⁶¹ Ю. Р. Клокман. Указ. соч., стр. 142—144.

ных заводов и металлургических предприятий¹⁶². Понятно, что в стократ многочисленной была группа крестьян-дельцов меньшего масштаба, выбившихся в ряды буржуазных предпринимателей как в промышленном, так и в сельскохозяйственном производстве.

В феодально-крепостническую эпоху с наибольшей силой действуют факторы, тормозящие социально-экономические сдвиги вообще и буржуазное расслоение крестьянства в частности. К ним относятся: монополия феодального землевладения, крепостное право во всех его проявлениях, рост оброка, развитие барщины, прикрепление непосредственных производителей к земле, малоземелье в деревне, распространение феодализма в новых районах, самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала. Совокупность этих причин для отдельных категорий крестьянства, в различных районах страны и в разное время проявлялась с неодинаковой силой. Двойную эксплуатацию крестьянина «отчасти со стороны помещика — по «наделу», отчасти со стороны капиталиста по «заработкам» В. И. Ленин считал обычным состоянием патриархального полукрепостного крестьянства дореформенной России¹⁶³.

Прикрепление крестьян к земле, связь их со своими земельными наделами, которую они не могли разорвать, губительно сказывались и на положении трудящихся масс, и на общем развитии народного хозяйства. Расцвет в крепостной деревне кабалы и всяких форм личной зависимости во многом определялся привязанностью крестьян к наделам, а это вело к замедленному экономическому развитию страны, к консервации примитивных форм промышленности, земледелия и торговли, задерживало рост внутреннего рынка¹⁶⁴.

На развитии новых явлений в деревне отрицательно сказывалось стремление правящих кругов феодальной России силой закона ограничить воздействие социально-экономической эволюции хозяйства страны рамками, выгодными классу помещиков. Отражая распространение работы по найму, Соборное уложение 1649 г. разграничивало временную работу наймитов, которых запрещалось кабалить, и феодальные формы эксплуатации; отход на заработки считался законным лишь при наличии соответствующих документов, что позволяло правительству и дворянам бороться с бегством. В XVIII в. расшатывание крепостнических отношений вынудило абсолютистское правительство ввести строгую систему регистрации отхода. В 40—50-х годах наемные работники уже, как правило, работали «по паспортам и контрактам», и с этого времени наемный труд начинает занимать ведущее место в текстильной промышленности¹⁶⁵. Идя навстречу мануфактуристам, правительство в 30—50-х годах XVIII в. издало ряд указов, запрещающих деятельность крестьян-предпринимателей в промышленности. Это затормозило, но не могло остановить роста крестьянской промышленности и торговли. В интересах казны и крепостников законодательство 1760—1770-х годов декларировало свободу мелкотоварного производства¹⁶⁶.

С расширением рынка происходило укрупнение части крестьянских хозяйств, что вело к эксплуатации чужого труда, к ограблению массы крестьян предпринимательской верхушкой. Буржуазное расслоение проявлялось во многих чертах деревенской жизни. Известно, что «первостатейные» крестьяне откупались от солдатчины, выставляя вместо себя купленных рекрутов. Помещичья администрация получала инструкции

¹⁶² Н. И. Павленко. О происхождении капиталов, вложенных в металлургию России XVIII в. «Исторические записки», т. 62, стр. 186.

¹⁶³ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 227.

¹⁶⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 373, 416; т. 3, стр. 137.

¹⁶⁵ Е. И. Заозерская. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20—60 гг. XVIII в., стр. 121—128, 278, 310—313, 430—435.

¹⁶⁶ И. В. Мешалин. Указ. соч., стр. 47—50.

по-разному наказывать богатых и бедных крестьян¹⁶⁷. Однако в период развития процесса буржуазного расслоения деревни противоположность интересов нараждающихся социальных групп была еще слабо выражена. В силу материальных условий крестьянского хозяйства (его небольшие размеры, его обособленность в системе рыночных отношений), приводивших к раздробленности крестьян, а также при наличии крепостнического строя и зародышевых форм буржуазного угнетения в XVII—XVIII вв. наблюдалось сравнительно слабое проявление социальной розни в деревне. Мелкое производство в пореформенной России, писал В. И. Ленин, «уже включает в себя капитализм и присущую ему противоположность классов и столкновения их»¹⁶⁸. Однако «самая противоположность их (представителей сельской буржуазии.— Авт.) интересов интересам труда недостаточно развита», социальная противоположность «в деревне находится еще в зачаточном, подавленном состоянии»¹⁶⁹. Имеются ясные указания В. И. Ленина о классовой противоположности различных слоев крепостной деревни¹⁷⁰. Критикуя легальных марксистов, отражавших в вопросах классовой борьбы взгляды либеральной буржуазии, В. И. Ленин писал, что уже в начальный период проникновения капитализма в земледелие возникал классовый антагонизм. «Этот процесс,— указывал он,— начался еще в средние века»¹⁷¹.

В советской литературе выявлено, что разные слои крестьянства в ходе антифеодальной борьбы нередко занимали различные позиции, иногда разрывалась и непосредственная борьба бедноты с богатыми во время локальных восстаний¹⁷² и даже крестьянских войн¹⁷³.

Итак, буржуазное расслоение крестьянства сыграло решающую роль в переходе от феодального к капиталистическому строю. В. И. Ленин называл общинное крестьянство самой глубокой и самой прочной основой капитализма в силу постоянного, хотя и медленного, образования элементов капитализма в деревне. Если после реформы 1861 г. раскол «крестьянства на деревенскую мелкую буржуазию и сельский пролетариат» окончательно решил «вопрос о капитализме», то предстория этого процесса на протяжении предшествующих падению крепостного права столетий также во многом определила особенности генезиса капиталистических отношений в России.

Исходя из ленинской концепции развития капитализма в России, мы можем с полным основанием утверждать, что русская деревня XVII—XVIII вв., как промысловая, так и земледельческая, принимала непосредственное участие в процессе генезиса капиталистических отношений в стране. Дореформенная деревня не только испытывала воздействие развивающейся капиталистической промышленности, но и в ней самой происходили социально-экономические сдвиги, характерные для «нового периода русской истории». В силу этого крестьянство выступало как главный источник формирования основных классов будущего буржуазного общества.

¹⁶⁷ С. И. Архангельский. Крестьяне крепостной деревни Московского промышленного района во второй половине XVIII в. «Архив истории труда в России», кн. 8, Пг., 1923, стр. 143—145.

¹⁶⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 424.

¹⁶⁹ Там же, стр. 323; см. также стр. 470.

¹⁷⁰ См. там же, стр. 276—277, 303.

¹⁷¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 96—97.

¹⁷² См. Р. Б. Мюллер. Борьба крестьян Шунгского погоста с Тихвинским монастырем. «Исторические записки», т. 43, стр. 237—245; Н. В. Устюгов. Волнения крестьян Симонова монастыря в селе Ильинском Черemoжской волости Ярославского уезда в 1682—1683 гг. «Русское государство в XVII веке», сб. статей, М., 1961, стр. 284—294; В. И. Недосекин. Классовая борьба в Воронежской губернии в середине XVIII в. «Изв. Воронежск. гос. пед. ин-та», т. XXVI, Воронеж, 1958, стр. 39—88.

¹⁷³ «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», сб. док., т. II, ч. 1, М., 1957, стр. 316, 346; Е. И. Индова. Борьба приволжских дворцовых крестьян. «Исторический архив», VIII, М., 1953, стр. 278—306; А. А. Кондрашенков. Указ. соч., стр. 114—124.